УДК 330.101.2

Основные движущие силы хозяйственного развития

Сергиенко Л.В., Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, департамент «Менеджмент», г. Москва, Россия

Аннотация. Целью данной работы является уточнения самого предмета экономики. При этом, основы формирования и развития производства – есть результат действия закономерностей, присущих человеческому мышлению и поведению как таковому. Следовательно, возникает необходимость изучения основных движущих сил хозяйственного развития того или иного хозяйственного сообщества на том или ином этапе его функционирования. К основным методы, используемым в исследовании, относятся аналитические методы и методы сравнительного анализа изучаемых общественных процессов.

Ключевые слова: процесс эволюции, социогенетика, новое практическое знание, основные движущие силы.

The main dynamics of economyc development

Sergienko L.V., Financial University at the Government of Russian Federation, «Management» academic department, Moscow, Russia

Annotation. The goals of these circumstances require the need to clarify the subject of the economy. This work is devoted to it. Along with that, the bases are formed and developed of production – the result of the action of the laws inherent in human thinking and behaviour as such. Therefore, is necessity to study the main methods used in the study are of analytical methods and comparative analysis of the studied social processes. The main methods used in the study are of analytical methods and comparative analysis of the studied social processes.

Keywords: evolutionary process, the main dynamics, sociogenetics, new knowledge.

Основу хозяйственного, а вместе с тем и всякого иного общественного развития, мы видим в повышении уровня производительных сил, понимая под этими последними всю совокупность находящихся в распоряжении общества средств производства и необходимой для их активизации рабочей силы, сформированных на основе всего апробированного и накопленного действующими субъектами в процессе производства хозяйственного опыта. Таким образом, «производительные силы» – строго социологическое понятие. В него не могут быть включены, как это иногда делается, «естественные» богатства страны, практически не освоенные обществом на достигнутом им уровне «производительного» практического познания.

Однако в пределах социологии и, вслед за этим, социогенетики, термин «производительные силы» имеет неограниченное широкое применение: это самая универсальная из всех социологических категорий; везде где имеется общественное производство, производительные силы служат мерой его роста или упадка, определяют конкретный его хозяйственный кругозор и, на этой основе, социально-экономические связи между людьми и все возникающие на этой основе правовые, политические или идеологические формы.

Что же значит быть «мерою» хозяйственного развития? С этой точки зрения в «производительных силах» принято различать две стороны: валовую мощность или объем и напряжение или уровень. Валовая мощность, конкретно воплощающаяся в физическом объеме производства (т.е. в количестве выработанных в данном обществе за определенный период времени тонн металла, метров тканей, килограмм хлеба и т.д.), очевидно, не может служить мерою *«высоты»* развития производства, процесса познания, степени его эффективности. В самом деле, по своему физическому объему производство высоко развитой, маленькой страны может значительно уступать производству страны, несравненно более отсталой, но обладающей обширной территорией и

многочисленным населением. Кроме того, при возрастании числа производительных работников за счет роста населения или за счет вовлечения в производства ранее не участвующих в нем слоев населения, общество может увеличить физический объем продукции при неизменной и даже ухудшающейся технике, т.е. при неизменном уровне практического познания. Одним словом, развитие производства фактически измеряется не объемом, а *уровнем* производительных сил (апробированным, накопленным и доступным к применению социальными агентами «производительного» практического знания [социально-экономической геновариацией]), достигнутым в рамках действующего общественного устройства, не валовой продукцией (служащей специфической формой выражения освоенного знания), а *производительностью труда*, т.е. количеством продукта/услуг, вырабатываемого в единицу рабочего времени, или обратной величиной: затратами труда, общественно – необходимого для выработки единицы продукции/услуг, т.е. *трудовой стоимостью* этой единицы, *степенью интенсивности* процесса практического познания, демонстрируемую действующими субъектами. Этот показатель характеризует не количество, а «напряжение» производительных сил данной социально – экономической генотипически обусловленной производственной организации, не количество апробированного и накопленного опыта как такового, а его востребованность, общественная значимость в процессе производства. Но, вместе с тем, необходимо учитывать, что специфические особенности общественных процессов или, точнее говоря, специфические особенности общественной точки зрения на производственные процессы (процесс «производительного» практического познания) исключают возможность непосредственного применения к социологии (социогенетики) общих теоретических положений биологии, физики и другого естествознания».

Анализ эволюции природного естественного мира (как и физического мира) приводит к выводу, что мировая «биосистема» (как часть всеобщей мировой энергии) имеет тенденцию *деградировать* (превращаться из более

организованных сосредоточенных форм в форму хаотического движения) по мере усиления влияния и вмешательства в ее развитие человека. При этом развитие «экосистемы» в целом в различных частях мирового пространства постепенно выравнивается, и вселенная мало – по малу приближается к своему состоянию «статистического равновесия», которое ничем уже более не может быть нарушено.

Эволюция человеческого общества, насколько она запечатлелась в известных нам памятниках истории, рисуется нам в несколько ином свете. Несмотря на упадок и деградацию целого ряда отдельных культур и Цивилизаций, мы в общем и целом наблюдаем процесс «развития», подъем уровня практического, в том числе и «производительного» познания и, на его основе, уровня развития производительных сил, выработку все более и более сложных, все более и более совершенных видов и форм организации общественно – производственного целого. Разумеется, этим нисколько не изменяется основанная линия мировой эволюции. Общество прогрессирует на фоне деградации «экосистем» (мировой энергии в целом), возникновения все более сложных и масштабных экологических проблем и *за счет* этой деградации. Скромное повышение наших производственных возможностей покупается порой ценой беспощадного «разбазаривания» природных ресурсов, накопленных веками и тысячелетиями в пластах каменного угля, залежах нефти, в древесине лесных массивов и т.д. И только процесс познания, в том числе и практического, вероятно, может обеспечить непрерывное возрастание развития человечества по восходящей ветви своей эволюции не только количественно, но и качественно.

Возникает вопрос: какова же ключевая закономерность формирования и развития «производительного» практического знания (его превращения из «индивидуального», «случайно» возникающая, в «общественно значимое»), реализуемая в условиях постоянно действующей социально – экономической генотипической изменчивости и, соответственно, обусловленная взаимодействием механизмов свободного обмена, локализации (обособления) и

социально – экономического отбора (конкуренции). Другими словами, та закономерность на основе которой осуществляется на деле развитие производительных сил общества? Имеется ли такая универсальная «тенденция развития», такая имманентная процессу общественного производства динамика, в силу которой повышение уровня производительных сил происходит, так сказать, автоматически, само собой обеспечивается инерцией самого производственного процесса, процесса апознания?

На этот вопрос у некоторых исследователей, включая К. Маркса, мы находим отрицательный ответ. Говоря об относительном или абсолютном перенаселении, он подчеркивал, что универсальные законы роста существуют только в мире растений и животных, в человеческом же обществе тип эволюции и революций меняется при переходе от одной социально – экономической формации к другой. Но законы хозяйственного развития, его эволюции с достаточной полнотой необходимо установить не только для товарно – капиталистической формации, которую исследует в своих трудах К. Маркса. Современное смешанное хозяйство (как капиталистическое, так и посткапиталистическое) «наследует» и заключает в себе, помимо всего прочего, весьма солидный опыт («производительное» знание), накопленный докапиталистическими и командно-административными (опыт хозяйства СССР), и «переходными» (имеется в виду опыт перехода стран, поддерживающих социализм, к рынку) формами организации производственных отношений. Поэтому для отчетливого понимания движущих сил современного хозяйственного процесса не бесполезно хотя бы в двух словах припомнить их генезис. Прежде чем перейти к современности, я позволю себе очертить в самой сжатой форме основные стимулы общественного развития (стимулы процесса апробации, накопления и распространения «производительного» практического знания) на предшествующих стадиях его эволюции, как их вдели наши предшественники.

В след за ним, с интересующей нас точки зрения, вся история человечества может быть грубо разделена на два неравные периода: десятки

тысяч лет натурального или полунатурального хозяйства (включая сюда работающее на заказчика средневековое ремесло) и около четырехсот лет разнообразных современных форм хозяйствования, начиная с капитализма, командно-административной системы вплоть до современного смешанного хозяйства во всем его видовом многообразии.

Первый период характеризуется чрезвычайным консерватизмом процесса практического познания, неизменностью раз сложившихся производственных и всех вообще социальных отношений на достигнутом к тому моменту уровню практического познания; существующие виды и методы производительного труда консервируются здесь не только стихийной *инерцией*, не только присущей всему живому тенденцией «воспроизводить» себя в неизменных формах, но и приобретают высшую санкцию богоустановленного, нравственно – освященного, общественной властью охраняемого порядка. Таким образом, в рассматриваемый период обществу имманентна тенденция не к развитию, не к повышению уровня, а к статическому равновесию, к простому воспроизводству на неизменной основе в ходе крайне медленной модификации социально – экономического генотипического строения общественного производства (длительность протекания которого достигает не один десяток поколений действующих субъектов), фиксирующему и ограничивающему возможности формирования и развития хозяйственных условий, предопределяющих возможности апробации и распространения «нового» практического знания (социально-экономической геновариации) на практике. Но при росте населения длительное простое воспроизводство на «неизменном» уровне практического познания возможно было бы лишь при безграничном обилии тех ресурсов, которые неизменными способами и методами (в рамках одного или нескольких поколений социальных агентов) эксплуатируются данным обществом. Так как на деле такое неистощимое обилие никогда не может иметь места, то для натурального или полунатурального хозяйства характерен закон «убывающей производительности последовательных затрат труда». Имманентная обществу тенденция к фиксации уровня производительных сил при постоянно

воспроизводящемуся на «неизменной» основе (по оценкам действующих субъектов) практического познания, в силу крайне медленной трансформации социально-экономического генотипического его строения, не может закрепиться на практике и рано или поздно приводит к систематическому понижению уровня; трудовая стоимость традиционной продукции не уменьшается, а растет; для поддержания жизни на привычном уровне приходиться затрачивать все больше и больше труда, или же при неизменных затратах труда понижать уровень жизни. Деградация может быть предотвращена лишь путем вымирания части населения или, наоборот, переходом к новому типу хозяйства (новому типу производства, «производительного» практического познания) резко повышающему производительность труда и емкость эксплуатируемой территории по отношению к возрастающему населению и способствующему формированию и проявлению присущего ему социально-экономического генотипического многообразия.

Подобная инерция натурально-хозяйственного уклада обладает такой мощностью, что даже в тех случаях, когда имеется определенный запас практического знания известный и доступный всем членам общества и обеспечивающий применение на практике, как техники более высокого типа, так и «новых» способов методов организации их хозяйственной жизни, они до последней крайности держатся за старый хозяйственный тип и переходят к новому лишь под угрозой физической гибели. Так, например, германские племена, принимавшие участия в «великом перенаселении народов», были по основному своему промыслу скотоводами и охотниками, но знали и земледелие. В поисках новых пастбищ, позволяющих сохранить привычный пастушески – кочевой образ жизни, они предпринимали гигантские военные перенаселения, с величайшими усилиями и потерями продвигались в течение многих десятилетий на тысячи километров в неведомую даль, пока не натолкнулись на железный кордон военных поселений, созданных Римской империей по Рейну и Дунаю. Вынужденные здесь осесть, они в сравнительно

короткий срок проделали социально-экономическую революцию, чрезвычайно повышающую уровень производительных сил их хозяйства за счет формирования и проявления новых социально-экономических генотипических сил своего развития с помощью, как апробации «нового» практического знания (социально-экономической геновариации) в ходе освоения новых условий хозяйствования, так и за счет воспроизводства накопленного ранее практического знания в объеме достаточном для модификации действующей общественной организации. Если, по описанию Цезаря, германцы – кочевники, живущие в походных повозках и занимающихся земледелием лишь во время случайных остановок, то, по описанию Тацита, они уже ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием, как основным промыслом.

Таким образом, в натурально-хозяйственный период «механизмы» «эволюции» человеческого общества почти таковы же, в основных своих чертах, как в мире растений и животных; действие «свободы» обмена здесь определяется и ограничивается беспрекословным подчинением и поддержанием высшей властью установленного порядка, «случайно» возникшие полезные приспособления (технические открытия и изобретения) становятся общепринятыми и господствующими лишь под давлением социально-экономического отбора максимально приближенного по своим характеристикам к действию «естественного отбора» в условиях борьбы за выживание, царящей в окружающей неорганизованной природе, т.е. лишь под угрозой смерти и благодаря вымиранию неприспособленных. Преобладает, в основном, за чрезвычайно редким исключением, территориальная изоляция, способствующая накоплению и воспроизводству не раз доказавшего на практике свою социальную значимость «производительного» практического знания. Можно предположить, что на достигнутом, на тот момент времени, уровне «производительного» практического познания в обществе преобладает «доминирование» «идеало-социальных» начал, обеспечивающих сплоченность и крепкую иерархию, столь необходимую ему в борьбе за свое существование с неорганизованной природой. Именно данное социально – экономическое

генотипическое его строение определяло и ограничивало направление и скорость развития его производительных сил, соответственно, апробацию, накопление и последующее воспроизводство социально-экономических геновариаций. Так, аграрное перенаселение недостаточно развитых капиталистических стран, существовавшее в позапрошлом и начале прошлого столетия, лишь отчасти было результатом процесса практического познания, осуществляемого набирающим силу капитализмом. В значительной степени оно было наследием эпохи натурального хозяйства («огораживание полей» в Англии, «отрезки» в России и т.д.) и, поскольку это так, являлось абсолютным, а не относительным. Лучшая иллюстрация – молодой СССР, где, несмотря на ликвидацию капитализма в земледелии избыточное население деревни в первоначальный период становления страны Советов сократилось весьма незначительно.

Существенно иными условиями формирования и развития общественного производства характеризуются современные смешанные системы хозяйствования (капиталистических и посткапиталистических стран). Достигнутый уровень практического познания в современном обществе таков, что свободный обмен в условиях рынка, механизмы обособления и конкуренции (как одного из вида социально-экономического отбора) создают достаточно мощные стимулы к относительно быстрому повышению уровня его производительных сил в условиях постоянно действующей социально-экономической генотипической изменчивости. Не надо, однако, думать, что в период «господства» данных форм общественной организации при «доминировании», в основном, новой социально-экономической генотипической силы «витальной» ориентации социальным агентам чужда инерция статического равновесия и они представляют собой материальное воплощение чистой идеи прогресса и эволюционного развития в целом. Душа современной капиталистической и посткапиталистической систем – не прогресс и поступательное эволюционное развитие, а прибыль. И поскольку беспрепятственная реализация накопленной ценности с целью извлечения

новой сверх ценности осуществима на основе наличных приемов и форм производства, как это бывает в эпохи хорошей конъюнктуры, действующий субъект не хуже средневекового ремесленника отдается и по сей день инерции, не обнаруживая, при этом, ни малейшего желания и готовности экспериментировать с новыми усовершенствованиями, предпочитая, в основной своей массе (исходя из действующего социально – экономического генотипического строения определенного общественного устройства), сравнительно умеренную, но надежную, без усилий и риска получаемую прибыль смелым прыжкам в неизвестное, какими бы заманчивыми эти последние ни казались.

Революционер – новатор наиболее активно просыпается в нем лишь в атмосфере депрессии, неизбежной в силу усиливающегося давления социально-экономического отбора (механизма конкуренции) в условиях действующего социально-экономического генотипически многообразия процесса практического познания, присущего современному производству, когда «господствующий» социально-экономический генотип, исчерпав все доступные ему приемы и методы поддержания и утверждения собственного «доминирования» [т.е., когда переполненный рынок отказывается поглощать товары, когда цены катастрофически падают, барыши исчезают и нависает грозная перспектива его разорения, *классовой гибели*], вынужден искать и демонстрировать новые источники своего могущества и общественной значимости. При капитализме не благополучные, а депрессивные периоды хозяйственных циклов наиболее четко отмечены в истории общественного развития, как эпохи наиболее интенсивного применения новых технических изобретений, пионерских попыток использования новых природных ресурсов, решительных мер по вовлечению в орбиту «витального» господства «нового» «производительного» практического знания (как апробированного, так и накопленного [сохраненного] к тому времени), с неизбежностью для своего освоения предопределяющего соответствующую трансформацию социально – экономического генотипического строения всего общественного устройства.

В итоге это приводит к тому, что в современных условиях хозяйствования постепенно начинают формироваться и «доминировать» «витало – идеальные» и «витало-социальные» начала, что, в свою очередь, обуславливает необходимость значительных изменений в действующих процессах преобразования форм ценности, наблюдаемых нами на практике. Инициативные, взаимосвязанные и информированные потребители – на фоне слияния технологий и отраслей в современную эпоху практического познания, бросают вызов традиционной, ориентированной на интересы производителя – продавца, концепции создания ценности. Она больше не содержится исключительно в продуктах и услугах, производимых в одностороннем порядке производителями и поставляемых потребителям. Ценность и новации все в большей степени формируются совместно всеми ключевыми участниками производственного процесса, процесса познания в точках их непосредственных взаимодействий. В преобразованном пространстве, ориентированном на персонализированный опыт хозяйствования, каждый из действующих субъектов, с помощью постоянно совершенствующихся технической и социальной инфраструктур в ходе апробации им, накопления и распространения социально-экономических геновариаций, способен создавать уникальную ценность совместно, как с сетью производителей, так и сообществом потребителей. Социальные агенты, активно задействуя в своей производственной практике в рамках достигнутого социально-экономического генотипического строения общественного устройства новые источники, методы и способы развития собственного стратегического капитала в ходе реализации постоянно ускоряющегося процесса познания за счет управления качеством приобретаемого ими опыта, выборочной оценке формируемых на его основе компетенций с помощью гибкого и быстрого изменения применяемой конфигурации производственных ресурсов и, как следствие, новых форм сотрудничества посредством сетей распространения апробированного опыта, расширяют границы собственного присутствия в формирующемся на качественно новом уровне (вплоть до виртуального) социально-экономическом

пространстве. В итоге, подобные процессы модификации процесса познания и, как следствие, проявление социально-экономического генотипического многообразия в строении действующей общественной организации с неизбежностью предполагают формирование и развитие новых движущих сил хозяйственного развития, намечая тенденции переоценки ценностей, присущих обществу массового потребления, в сторону усиления общественной солидарности и социальной ответственности каждого члена общества, что, в свою очередь, инициирует процессы демократизации корпоративной собственности, развитие коллективно-трудовой собственности, добровольных общественных ассоциаций, других некоммерческих структур в современной хозяйственной практике. Набирающее силу подобное социально-экономическое генотипическое преобразование производительных сил и производственных отношений в обществе в данном направлении начинает видоизменять и регулирующую роль государства, как координатора экономической жизни. Регулирование в определенных областях практического познания на основе общественно – государственных начал содействует, с одной стороны, максимальному раскрытию созидательного потенциала конкурентного рынка, его «доминирующей» «витальной» силы, а, с другой, – способствует осуществлению мер, направленных на амортизацию и предотвращение негативных сторон и социальных последствий функционирования рыночного пространства, формируя значительные возможности для проявления намерений и способностей действующих субъектов, принадлежащих к социально-экономическим генотипам «социальной» и «идеальной» направленности. Это, в свою очередь, формирует основы для перехода социально-экономической политики, реализуемой в рамках современных общественных образований, от магического треугольника целей экономической стратегии, включающего устойчивый экономический рост, стабилизацию цен и достижение максимально высокой занятости, к магическому шестиугольнику стратегических экономических целей. К указанным трем магическим углам добавляются еще три: соблюдение

внешнеэкономического равновесия, охрана окружающей среды и обеспечение социальной стабильности, в том числе и достижение социально справедливой дифференциации доходов населения.

В результате баланс относительного взаимовлияния социальных агентов, принадлежащих к различным социально-экономическим генотипам, существенно трансформируется, видоизменяется, как за счет «унаследованного» и сохраненного ими предыдущего опыта функционирования (например, в случае с командно – административной системой народного хозяйства, действующей в рамках СССР, и соответствующему ее «социало-идеальному» генотипическому строению), так и вновь приобретаемого, а иногда и «заимствованного» (в частности, в ходе формирования и развития социально-рыночного хозяйства Германии за счет модификации его социально-экономического генотипического строения в направлении «доминирования» «витало-социальных» начал и/или, например, «господства» «витало-идеальных» моделей хозяйствования в условиях функционирования государственного капитализма во Франции и т.д.)

В заключении заметим, что отрицать тот факт, что и в современных условиях хозяйствования инерция статического равновесия в достаточной степени так же тяготеет над каждым отдельным социальным агентом мы не можем, поскольку это вполне свойственно человеческой природе как таковой, поэтому зоологический закон прогресса и эволюции в целом здесь видоизменяется лишь в том смысле, что *не физическая, а социальная, классовая смерть является отныне орудием отбора и выживания приспособленных.* Но эта небольшая модификация закона по отношению к единичным действующим субъектам радикально меняет саму динамику общественного целого. В современном хозяйстве, функционирующем в условиях постоянно действующей социально-экономической генотипической изменчивости, рост процесса «производительного» практического познания, и, на его основе, производительности труда далеко обгоняет рост народонаселения, закон падающей производительности последовательных затрат труда теряет свою

силу. Абсолютное перенаселение, – необходимый результат и естественный стимул общественного развития в эпохи натурального и полунатурального хозяйства, – заменяется перенаселением относительным, безработной армией, как резервным фондом развивающегося общественного производства современного капиталистического и посткапиталистического типа. В результате возникает видимость имманентной современному хозяйству тенденции к непрерывному и самопроизвольному повышению уровня производительных сил. И в основе ее формирования и развития – работа эволюционных механизмов: усиление значения свободного обмена – наследования «нового» «производительного» практического знания (социально-экономических геновариаций), поставляемого локализацией (обособлением) и распространяемого в процессе производства под давлением социально-экономического отбора (механизма конкуренции).

Библиографический список

1. Коновалов В. Инновационная сага. М. 2010. с. 57 – 65.
2. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М. 2003. с. 7 – 11.
3. Менар К. Экономика организаций. М. 2006. с. 249 – 251.
4. Непринцева Е. Фирма в рыночной экономике // РЭЖ. №2. 2011г. с. 101-103.
5. Сергиенко Л.В. Экономика и социогенетика // ООО «Русайнс». 2017. с.210-257.
6. Сергиенко Л.В. Возникновение нового знания в хозяйственной практике // РИСК. №1. 2016. с. 169.
7. Хайек Ф. Конкуренция как продукт открытия // МЭиМО. №12. 2009. с. 98.
8. Хотяшева О. Организационные формы управления инновационной деятельностью американских компаний // Проблемы теории и практики управления № 6. 2007. с. 75-77.
9. Шаститко А.Е. Неоинституциональная экономическая теория. М.

2008. с. 219 -230.

10. Шеко П. Механизм инновационной экономики // Проблемы теории и практики менеджмента №2. 2009. с. 65.

11. Дагаева А. Рычаги инновационного роста // Проблемы теории и практики управления. №5. 2009. с. 143.

12. Marguis Donald G. The Anatomy of Successful Innovation / Анатомия успешной инновации/ 2010-2011. с. 155. Перевод, обработка А. Сенин.

Reference

1. Konovalov V. Innovative saga M. 2010. p. 57 – 65.

2. Coase R. Firm, market and law. M. 2003. p. 7 – 11..

3. Menar K. Economy of enterprises. M. 2006. p. 249 – 251.

4. Neprintseva E, Company within the market economy // REZH. №2. 2011. p. 101-103.

5. Sergienko L.V. Economics and sociogenetics // Rucience. M. 2017. p. 210-257.

6. Sergienko L.V. The emergence of new knowledge in the business practices // RISK. №.1. 2016. p. 169.

7. Hayek F. Competition as a product of invention // MEiMO. №12. 2009. p. 98.

8. Hotyasheva O. Organizational forms of government innovative activity of the American companies//Problems of the theory and practice of management. № 6. 2007. p.75 -77.

9. Shastitko A.E. Neo-institutional economic theory. M. 2008. p. 219 -230.

10. Sheko P. Innovative economic mechanism//Problems of the theory and practice of management №2. 2009. p. 65.

11. Dagayev A. Levers of innovative growth // Problem of the theory and practice of management. №5. 2009. p. 143.

12. Marguis Donald G. The Anatomy of Successful Innovation 2010-2011. p. 155. Translation and adaptation A. Senin.